

Павел Засодимский

Люттик

Павел Владимирович Засодимский

Лютик

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=633125
Бывальщины и сказки: Издание А. Ф. Девриена; СПб; 1888*

Аннотация

«...Вдруг ослепительная молния загорелась над землей и в ее неверном, красноватом освещении на несколько мгновений озарились степные дали, три высокие старые сосны и холм и на холме девочка. С белым цветком в руке, выпрямившись и слегка закинув голову, стояла она на вершине холма, обратив свое побледневшее лицо к черным, грозным тучам, тяжело нависшим над ее головой. Порывистый ветер, как бешеный, рвал и крутил на ней платье, развевал ее черные волосы...»

Содержание

I	4
II	9
III	12
IV	20

Павел Владимирович Засодимский Лютик

I

Вся как на ладони

Ей шел тринадцатый год. Она была среднего роста, стройная; на щеках нежный розовый румянец, глаза большие, синие, как вечернее летнее небо. Ее густые волосы, тонкие, как шелк, и черные, как вороново крыло, перевязанные пунцовою бархатной ленточкой, спускались ей на спину, бежали по плечам. Она была очень красива, но чернилами мне не написать ее портрет.

При крещении ее называли Людмилой, родные звали ее Лютиком.

Она жила с отцом, – с матерью в усадьбе, в деревенской лесной глуши. С первого дня жизни ее все баловали: у нее не было ни братьев, ни сестер, и вся любовь родных досталась ей одной. Когда она была маленькою, ее все носили на руках; когда же подросла, все стали смотреть ей в глаза, как своей повелительнице. Все желание и капризы ее исполнялись: для

того ей стоило только сказать слово... Все ласки и все услуги она принимала, как должное. И девочке мало-помалу стало казаться, что весь мир создан для нее...

Солнце светило с небес для того, чтобы ей было приятнее гулять; дождь шел для того, чтобы поливать ее любимые цветы; буря с громом и молнией проносилась, конечно, затем, чтобы Лютик после нее могла подышать свежим, благо-растворенным воздухом; по ночам месяц и звезды горели в небе также для ее удовольствия, и все люди вокруг нее жили, разумеется, для ее пользы и забавы... Ей, значит, не за что и некого было благодарить.

И, действительно, девочка относилась к людям холодно и безучастно. Если она улыбалась, то с таким видом – как будто оказывала великую милость. Не даром же няньки и мамки натрубили ей в уши, что «как взглянет она весело, так, словно, рублем подарит». И Лютик иногда под веселый час очень охотно дарила окружающим эти дешевые «рубли», ничего ей не стоившие. Даже мать и отца целовала она не потому, что ей хотелось выразить им свою ласку и нежность, а просто по привычке, из приличия, ради раз навсегда установившегося обычая. В ответ на шутки она охотно и весело смеялась, хотя бы и не чувствовала особенной веселости: у нее были белые, ровные зубы, и смех очень шел к ее хорошенькому личику; она уж давно узнала это, смотрясь в зеркало. Нельзя сказать, чтобы она была зла, но не было в ней и добра: любви не было в ее сердце. Лютик много думала о себе и очень мало о

других.

Она жила в холе, на приволье, как растение, как красивый цветок, и если бы она была действительно цветком, то, конечно, чувствовала бы себя совершенно счастливою; но она не была цветком и поэтому не могла быть счастлива и довольна своею «растительной» долей. Лютик чувствовала себя одинокою: люди жили сами по себе, она – сама по себе. Иногда она страшно скучала – не знала: куда девать время и куда деваться ей самой. Всевозможные детские книги, всевозможные куклы и игрушки были у нее и все они уже давно ей надоели.

– Мне что-то скучно, мама! – бывало, жаловалась Лютик.

– Отчего же тебе скучно, милочка? – спрашивала ее мать.

– Да так... я не знаю... скучно! – надув губки, печально отвечала Лютик.

– Ну, займись чем-нибудь или поиграй!

«Поиграй! Займись!» – легко сказать... Старые игры – все одни и те же, – опротивели, а новых нет. Заняться?.. но чем же? Работать ей не для кого и не для чего... А работать что ни попало, без толку, без цели – так же скучно, как черпать воду решетом.

Девочка была ленива, училась плохо, да ее особенно и не принуждали. Нянюшки и мамушки говорили, что «барышне не Бог весть что и надо», что «ей ведь, слава Богу, не на службу идти!» Да и мать также думала, что «Лютик еще успеет выучиться»...

Она ни о чем не заботилась, ни над чем не задумывалась, и все впечатление скользили по ней мимолетно и бесследно... Однажды, например, она услышала на дворе шум и, высунувшись из окна, увидела какую-то маленькую деревенскую девочку, с плачем бегущую по двору.

– О чем она плачет? – спросила Лютик.

– Она забралась в сад яблоки воровать... А ее там увидели, оттащали за волосы и вытолкали вон! – отвечали Лютику.

– А-а! – безучастно протянула она и через минуту уже забыла и про девочку, и про зеленые, кислые яблоки, так дорого доставшиеся ей...

Только один отец замечал, что Лютик растет каким-то бесчувственным истуканом.

– Не знаю: что выйдет из нашего Лютика... Боюсь я за нее! – сказал он однажды жене. – Она какая-то странная... какая-то черствая, холодная! Никого она не приласкает, никого не пожалеет, вечно занята собой и совсем не обращает внимание на других. Ты замечаешь: она никому ничего не дарит, она ничем не поделится...

– Ах, полно, мой друг! – возражала ему жена. – Чего же ты требуешь от ребенка... Что же она еще понимает?.. Вот, погоди, вырастет...

Отец, молча, задумчиво качал головой.

Неизвестно; что вышло бы из Лютика, если бы не приключилась с ней одна интересная история. Эта-то история и бу-

дет рассказана здесь...

II

Няня открывает тайну

Однажды вечером няня рассказывала Лютику, что около их усадьбы, в Суходольной пустоши, в старые годы зарыт разбойниками клад. Над кладом насыпан высокий бугор и он уж давно травой весь зарос; у подошвы бугра три сосны стоят, клад сторожат.

– Денег, серебра, и золота и камней самоцветных там – тьма! – говорила няня.

– А как же добыть этот клад? – спросила Лютик, внимательно выслушав рассказ.

– Трудно его достать, очень трудно... – кряхтя и позевывая, толковала няня. – Ночью накануне Иванова дня надо идти туда одному, а крест нужно снять с себя, оставить дома... Ну вот, как придешь туда, в самую полночь, и надо встать на бугор, три раза топнуть ногой в землю и молвить: «Клад, клад, дайся мне!» А тут уж только держись... Зашумит кругом тебя, затрещит, загремит, всякие ужасы поднимутся... Оборачиваться уж нельзя! Стой да дожидайся!.. Не испугаешься – клад твой, а ежели побежишь – все пропадет.

– Значит, няня, нужно три раза топнуть ногой о землю... только и всего? – спросила Лютик.

– Нет, голубка! – продолжала старуха. – Нужно еще взять с

собой цветок папоротника. Он цветет только один раз в год – в Иванову ночь... Надо сорвать его так, чтобы ни один людской глаз не видал того, и никому не показывать этот цветок. В нем – вся сила. Без него клад не покажется и во веки веков.

– Няня! А много там денег? – немного погодя, задумчиво спросила Лютик.

– Страсть! Видимо-невидимо... просто, конца краю нет... – отвечала няня. Так старые люди говорят...

– На эти деньги я могу все купить, все сделать? Да? – приступала девочка.

– Все, что твоей душеньке угодно! Все...

Девочка обеими руками облокотилась на стол и задумчиво смотрела в темный угол. Там ей чудились золотые горы... Густой румянец заливал ее щеки, глазки горели... «Вот где они, деньги-то!» думалось ей. А она уж знала силу, могущество денег. Все вокруг нее говорили о деньгах, говорили о том, что с деньгами можно все сделать...

С того вечера прошло много дней и ночей, но Лютик крепко запомнила сказание о кладе. Клад не выходил у нее из головы. Девочке захотелось достать его, и она не раз принималась расспрашивать няню о том, где находится заветный бугор, как пройти к нему. Лютик с нетерпением дожидалась «ночи на Ивана Купалу». Только одно смущало ее: как найти цветок папоротника.

– Где он растет? – спрашивала Лютик.

– Говорят, в болоте... – отвечала няня.

– Каков же с виду этот цветочек? – допытывалась Лютик.

– Сама-то я не видала его... – поясняла старуха. – А скажут, что такой беленький, да красивый, на высоком стебельке... И весь-то он светится, как жар горит...

Наступило, наконец, 23 июня.

– Вот и до Аграфены Купальницы дожили... – говорила няня. – А завтра – Иванов день... а там – Петра и Павла... Охо-хо-хо! Как времечко-то идет, ровно вода льет... Не увидим, как пройдет и лето красное...

Лютик промолчала, ничего не сказала няне и весь тот день провела в страшной тревоге. Она не могла ни за что взяться, не могла посидеть спокойно; то ей было душно, то дрожь пробирала ее от нетерпенья и в виду ожидающих ее ночных ужасов...

– Что с тобой, милочка? Здорова ли ты? – спрашивала ее мать.

– Так что-то тяжело... – ответила Лютик.

– Да! Сегодня душно в воздухе... – заметила мать.

– К ночи, вероятно, соберется гроза! – сказал отец.

«Вот еще беда!» – подумала девочка.

Мать посоветовала ей выкупаться. Лютик пошла с нянькой на реку и выкупалась, но ей легче от того не стало.

День 23 июня показался Лютику томительно-долгим, мучительным днем.

III

Ночь накануне Иванова дня

Наступает ночь – тихая, ясная...

Лютик лежит уже в постели с закрытыми глазами, но не спит. Она заложила руки под голову, и волосы ее темною, густою волной рассыпались по подушке. А сердце ее бьется, бьется... Страшно идти одной ночью... Ведь нужно будет зайти в лес, найти цветок папоротника, потом пройти по степи, к бугру... Положим, до леса недалеко, не более версты... А все-таки хорошо было бы взять с собою няню... Да!.. но нет! нужно идти одной, и она пойдет одна, и достанет клад и будет богатая, богатая...

В раскрытое окно льется из сада аромат цветущих лип, видно темно-синее небо, какая-то ночная птичка поет в кустах сирени...

Лютик сегодня, сейчас пойдет за кладом и только ждет, чтобы все поскорее улеглись, утомонились, чтобы не мешали ей. Наконец, в доме все затихло... Старинные дедовские часы, висевшие на стене против кровати, сказали Лютику: «пора!» Стрелка их приближалась к XI, и няня уже давно храпела...

Час настал. Лютик тихо поднялась, сняла с себя крест, положила его под подушку, оделась потихоньку, осторожно со-

шла с лестницы, пробралась через окно в сад, из сада в поле. Там она скоро напала на тропинку и пустилась бегом.

Когда она подошла к лесу, ей стало жутко. Лес стоял темный, безмолвный, величаво поднимая к небу свои раскидистые, зеленые вершины. Ночные тени лежали в чаще леса, и по лесу расходился какой-то таинственный шорох... Ах, Лютик! Не пойти ли лучше назад? Страшно ночью в лесу... Нет! она пойдет вперед: ей необходимо нужно достать цветков папоротника. А он расцветает только один раз в год, говорит няня, сегодня ночью... Если бы кто-нибудь указал ей этот цветок! Лютик не знала никаких цветов, кроме тех, что растут у них в саду, да и к тем она мало присматривалась.

– Няня говорила: белый, красивый, на высоком стебельке! Буду глядеть в оба... – вполголоса пробормотала Лютик и, вооружившись всем своим мужеством, стала продираться сквозь лесную чащу.

Крапива ей ноги жгла, верес цеплялся за платье, березы хлестали ее по плечам своими гибкими ветвями, ели кололи ей руки и лицо, сосны-великаны, гнилые пни и колоды загромождали дорогу, несносные комары и мошки больно кусали ее, слепили ей глаза. А Лютик упорно, терпеливо пробиралась в самую глушь... Мать ее, право, упала бы в обморок, а старая нянька сошла бы с ума, если бы узнали они, что их ненаглядная девочка, вся растерзанная, в оборванном платье, с растрепанными волосами, как безумная, бродит одна по лесу в такую позднюю пору...

Около получаса прошло в поисках; подходящего цветка не находилось. Лютик уже устала, но не хотела отступаться от клада.

Вдруг девочка заметила, что она спускается в болото... Лес стал редеть, земля сделалась зыбкою, пошли кочки.

Белесоватая роса стлалась понизу... Лютика обдавало сыростью, а ноги все глубже и глубже уходили в мягкий, желтоватый мох. Наконец, за деревьями показалась вода, а среди воды на кочке росла высокая, густая трава и из нее виднелся большой белый цветок. «Вот он!» – с восторгом подумала девочка и пошла за цветком в воду. Она поднесла к нему руку и сильно вздрогнула... Из травы мелькнула ей серая голова змеи. Змее зашипела и метнулась в сторону... Тут Лютик вспомнила о сказочных чудовищах, и ей подумалось: не стражем ли была приставлена нечистою силой к цветку эта серая змея? Лютик в ту же минуту сорвала цветок, запихала его за пазуху и – ни жива, ни мертва – бросилась на берег...

Она идет. А кругом нее зеленою скатертью расстилается ровная, неоглядная степь и ночное безмолвие царит над степью. Синею, полупрозрачною тенью подернута даль... Вот и высокий бугор, тот самый, что описывала няня. Вот и три старые, полусохшие сосны темнеют у подошвы бугра... Все так, все точь-в-точь, как говорила няня.

В то время, как Лютик подходила к бугру, черная туча быстро заволокла небо, одною мрачною пеленою завесив его от края до края. Когда Лютик взбежала на бугор, вся окрест-

ность кругом нее уже тонула в непроницаемом мраке. Собиралась буря... Поднялся ветер, сухие листья носились в воздухе. Девочка вынула из-за пазухи цветок, топнула ногой о землю и вскричала:

– Клад, клад, дайся мне!

А ветер бушевал все пуще и пуще. Молния зажигала небо и гром грохотал, как будто, в самом деле, кто-нибудь в гремящей колеснице катался по темным облакам.

Сосны у подошвы холма скрипели и трещали... Лютик не робела; она в другой и третий раз топнула ногой о землю и громким голосом произнесла свое заклинание и ждала...

Вдруг ослепительная молния загорелась над землей и в ее неверном, красноватом освещении на несколько мгновений озарились степные дали, три высокие старые сосны и холм и на холме девочка. С белым цветком в руке, выпрямившись и слегка закинув голову, стояла она на вершине холма, обратив свое побледневшее лицо к черным, грозным тучам, тяжело нависшим над ее головой. Порывистый ветер, как бешеный, рвал и крутил на ней платье, развевал ее черные волосы...

Молния погасла, гром с таким страшным треском прокатился над степью, как будто в ту минуту земля и небо готовы были распасться. Сильный порыв ветра чуть не сбил Лютика с ног, – она покачнулась и в то же мгновенье при зареве вспыхнувшей молнии увидела, как ближняя к ней сосна повалилась наземь, вырванная с корнем. Сосна тяжело рухнула... Девочку обсыпало землей и мелким камнем.

Лютик задрожала и слабо вскрикнула, но скоро опять оправилась и стала прямо. Ей было жутко, но она все-таки не хотела бежать. Она помнила: зачем она пришла сюда, помнила слова старушки-няни, что «очень трудно достать клад», что «зашумит кругом тебя, затрещит, загремит, всякие ужасы поднимутся», что «ежели побежишь – все пропадет, а не испугаешься – клад твой!»...

Сколько сокровищ, сколько денег лежит вот тут в земле, под ее ногами! Как же после этого убежать!.. А страшно! Ух, как страшно... колени дрожат, ноги сами собой подгибаются, а сердце... сердце так колотится в груди, как будто хочет выскочить оттуда... Первая половина няниных предсказаний исполнилась в точности: вокруг Лютика, действительно, «трещало и гремело» и творились всякие ужасы. Теперь, значит, можно ожидать, что и вторая половина предсказаний исполнится – клад дастся в руки смелой девочке...

Лютик то поглядывала наземь: не показывается ли клад из-под бугра, то посматривала на небо и в темную даль. Буря свирепела все пуще и пуще, а клад, разумеется, не показывался. Стал было накрапывать крупный дождь, но скоро прекратился.

Прошло еще с полчаса. Забрезжил рассвет. Тучи умчались и ветер стих. Обрывки серых облаков медленно ползли по небу и из-за них кое-где просвечивала лазурь. Румянцем зарделась восточная окраина неба...

Вся минувшая ночь, проведенная в лесу в поисках за цвет-

ком папоротника, встреча с змеей, наконец, ужасы ночной грозы, с ее оглушительным громом и ослепительной молнией, все это теперь Лютику казалось каким-то диким сном. Ей казалось, что не она, а как будто кто-то другой за нее переживал все страхи последней ночи. Но, нет! то был не сон... Труп сосны с вывороченными вверх корнями темной, безобразной массой лежал у подошвы холма... Девочке очень странно было в такой ранний предутренний час видеть себя не в постели, не в своей спальне, а в какой-то дикой, глухой местности, в степи. Лютик вздохнула и, не дождавшись клада, грустно понурившись, отправилась домой.

Ей только нужно было пройти через кусты, примыкавшие к лесу. За кустами шла дорога в усадьбу... Через полчаса она будет дома. С каким наслаждением ляжет она на свою постель и отдохнет от всех треволнений минувшей ночи!.. И ей живо представилось: как сладко теперь спит ее няня и как встревожится, если, проснувшись, не найдет на постели свою маленькую барышню... Завтра Лютик расскажет ей про свои ночные скитальчества, – вот-то старуха заахнет и закрестится...

По рассеянности девочка как-то сбилась с пути и попала в лес. Заметив свою ошибку, она тотчас же спохватилась и стала искать выхода из леса. Она поворачивала то направо, то налево, то возвращалась назад, то шла вперед, и с каждым шагом углублялась все дальше и дальше в чащу. Лес становился все темнее, все дремучее... Несмотря на усталость и

волнение, девочка с изумлением и любопытством оглядывалась по сторонам. Лес впервые открывал перед нею свои тайны... Лес – не то, что сад, совсем не то. В своем саду Лютик знала каждый куст, каждый уголок. А здесь, в лесу, она – как в неведомом царстве, где на каждом шагу она ожидает встретить какое-нибудь диво. Ей жутко и приятно...

В лесу – зеленый полусвет; тихий скрадывающийся шорох расходится кругом, как будто кто-то невидимый, крадучись, пробирается легкою стопой по вершинам деревьев. Лютик видит, как низко над головой ее порхают и чирикают лесные птицы. Вон рыжая белка, прикрывшись пушистым хвостом, смотрит на нее с дерева своими бойкими темными глазками... Там заяц, насторожив уши, сидит за кустом и, почуяв приближение человека, скрывается в чаще... А тут ёж пробирается между кочками, показывая из травы свою иглистую спину...

Сыч, забравшийся в темную чащу, таращит во все стороны свои большие, круглые глаза... Старый черный ворон тяжело хлопает крыльями, перелетая с дерева на дерево... Сломанная бурей, белостволая береза мерещится из чащи, как бледное привидение. Черный обгорелый пенёк резко выделяется среди нежной зелени. Пучки цветов мелькают там и сям... Громадные корни, вывороченные из земли вместе с дерном, таращатся, как какое-нибудь сказочное страшилище...

На каждом шагу Лютику может встретиться волк или мед-

ведь. Ох, страшно, страшно! Куда она зашла? Что станется с ней?.. Наступает утро. В барском доме скоро уже встанут, мама с папой сядут за чай, а она... несчастная! Она будет блуждать по лесу, может быть, до тех пор, пока не попадет на зубы медведю или волку...

Лютик страшно устала, измучилась. Она уж еле тащилась, с трудом перебираясь через кочки, колоды и пни, запинаясь о валежник и поминутно задевая за сучья елей и берез. Ноги ее отяжелели и вся она чувствовала себя разбитою, точно палками отколотили ее по спине и по ногам. «Если я свалюсь, мне уже не встать, – думала она про себя. – Чувствую, что не встать...» Ее начинала мучить жажда, во рту пересохло, в висках стучало... Первый раз в жизни Лютик проводила такую ужасную ночь...

– Господи! Что я наделала! Что со мной будет! – простонала она. – Пропаду я в этом темном лесу...

И она с ужасом смотрела на обступавшие ее со всех сторон могучие деревья. Деревья как будто протягивали к ней свои гибкие, длинные ветви, цеплялись за нее, тянулись к ней со всех сторон, словно хотели остановить и удержать ее навсегда в своей дикой лесной глуши. Но нет! Лютик не пропала в темном лесу... напротив: она из мрака вышла к свету...

IV

Клад

Лютик уже собиралась заплакать, хотела кричать, звать на помощь... Кого хотела она звать на помощь – неизвестно, да и сама она того не знала... Не могла же она думать, что нянька услышит ее и прибежит за нею сюда, в лес! Она ничего не думала: она просто одурела с отчаяния...

Вдруг она вышла на какую-то дорогу. Дорога была не широкая, но, по-видимому, проезжая, хотя и не торчали вдоль нее полосатые верстовые столбы. На ней были заметны следы колес и лошадиных подков. Дорога серой, пыльной лентой вилась по лесу; высокие деревья и густой кустарник зеленою стеной обступали ее с обеих сторон. Только вверху, над головой, видна была узкая полоса синеющего голубого неба. Солнце уже взошло, – его красноватые лучи пробежали по зеленым вершинам сосен, елей и кудрявых берез. В воздухе, после ночной грозы, сильнее пахло цветами; птичье пение, гомон, щебетанье неслись отовсюду... Лютик думала: «Эта дорога спасет меня, долго ли, коротко ли выведет из леса, приведет меня к деревне или хоть к какой-нибудь жилой избушке... Наконец, здесь – не то, что в лесу – могут встретиться проезжие или прохожие...»

Лютик остановилась, как вкопанная...

В трех шагах от нее, близ дороги, под плакучей ивой сидел какой-то старик с длинной седой бородой. Его белая, холщовая рубаша, вся в дырах и заплатах, была подпоясана обрывком веревки; холщовые штаны его далеко не доходили до пят; ноги босы, в пыли. На коленях его лежала меховая шапка – вовсе не по летнему времени. Его худощавое, загорелое лицо, словно вылитое из темной бронзы, все было изрезано глубокими морщинами. Рядом с ним, на траве, лежал кошель, стояла дырявая корзинка, прикрытая грязною тряпичей, и валялся страннический посох, гладкий и блестящий от долгого употребления, словно покрытый лаком.

В то время, как Лютик увидела старика, тот занимался серьезным делом: он доставал из корзины кусок черного ржаного хлеба и старательно посыпал его солью. Посмотрев в ту сторону, где был восток, старик набожно перекрестился и собрался есть... Он не замечал маленькой странницы и весь был углублен в свое занятие. Старик показался Лютику совсем не страшен, и она решилась подойти к нему.

– Здравствуй, дедушка! – сказала Лютик, сделав шаг к нему.

Старик поднял голову и с изумлением посмотрел на девочку своими серыми, тусклыми глазами.

– Здорово! – промолвил он, шамкая беззубыми челюстями. – Да ты как попала-то сюда?.. Ты ведь, кажись, барское дитя?

– Да! Я из усадьбы... я заблудилась в лесу... и так уста-

ла... – говорила Лютик.

– Устала – так садись, отдохни! – предложил старик, ука-
зывая ей место около себя.

Лютик опустилась на траву и вздохнула с облегчением. Первый раз в жизни она была так рада встрече с человеческим существом. Если бы не было неловко, она, право, обняла бы этого жалкого старика в лохмотьях. Первый раз в жизни в ее хорошенькой головке мелькнула мысль о том, что все люди – люди, в какой бы одежде ни ходили они – в шелковой или в холщовой... Она уже недавно испытала тяжелое чувство одиночества и беспомощности и теперь с живейшей отрадой смотрела на старика. Зайцы и белки в лесу бежали от нее, как от недруга, а сама она страшно боялась медведей и волков. Старик же не бежит от нее и в то же время она не боится его, потому что он – человек.

«Он, кажется, добрый, даром что у него такие густые, седые брови...» – рассуждала Лютик, смотря, как старик ел свой черствый кусок хлеба, забеленный солью. Теперь она находилась в безопасности и была совершенно спокойна. Чего ж ей бояться! Она теперь – не одна. Она не думала о том, что хилый старик не мог бы оказать ей большой защиты хоть, например, от тех же медведей и волков, которых она страшилась несколько минут тому назад. Для нее достаточно было чувствовать, что теперь рядом с нею сидит человек.

До сего времени барышня никогда еще не разговаривала с первым встречным. Теперь первый раз в жизни она почув-

ствовала сильнейшее желание, почувствовала потребность побеседовать о чем бы то ни было с этим незнакомым человеком.

– Куда, дедушка, идешь? – спросила Лютик.

– Я, голубка, все лето хожу из деревни в деревню! – ответил старик, жуя сухую корку. – Хожу, да милостыню Христовым именем собираю, запасаю хлебушка на зиму...

– Так ты, значит, нищий? – перебила его Лютик, вспомнив, как при ней иногда с брезгливостью говорили о нищих.

– Нищий! – отозвался старик. – Что будешь делать! Работать не могу, сил нет... Стар, зажился на белом свете, так зажился, что и могила-то не принимает... А есть-то все-таки охота... Вот и бродишь лето-то красное! Спасибо добрым людям, дай Бог им дожить до хорошего... У иного – и у самого-то мало, а все же хоть крохой поделится. Народ-то уж больно обеднел...

– А разве денег у тебя нет? – спросила Лютик.

– Ой, дитячко! Какие у нас деньги... – качнув головой, промолвил старик. – Так иной раз грошик перепадет, вот и все наши деньги... И без денег живем. Без доброты нельзя жить на свете, а без денег – можно...

– И родных у тебя нет? – допрашивала Лютик.

– Брат есть. У него зиму-то и живу, на печке лежу, да кое-когда лапти ковыряю... – рассказывал старик. – Да братан-то беден, самому с женой прокормиться впору...

– А если мало собираешь? Если не хватит хлеба да вес-

ны?.. Тут что? – заметила девочка.

– Ну, немножко и попостишься, поголодаешь – не беда...

Что ж делать! – со вздохом проговорил бедняк.

– Ведь ты, дедушка, я думаю, устаешь ходить-то! – заметила Лютик.

– Ну, что ж! устанешь и отдохнешь... Слава Богу, хоть ноги-то пока еще носят...

– Приходится тебе и под дождем бывать, под грозой?

– Да ведь как же – всего случается... Дождиком вымочит, солнышком высушит, ничего! – спокойно проговорил старик.

– Может быть, ночь иногда застает тебя где-нибудь в поле, в лесу? – с участием расспрашивала Лютик.

– И это бывает... Случается ночевать и под березкой, и под сосенкой! – тем же спокойным покорным тоном отвечал нищий. – Да летом-то, голубка, везде хорошо!.. Как хлеба край, так и под елью рай. Вон хоть теперь скажем: теплынь, благодать... В лесу-то еще лучше, чем в избе. Воздух – вольный, простор, ни ты никому не мешаешь, ни тебя никто не задевает... А вокруг-то, глянь-ка: цветы цветут, ягоды краснеют... А птиц-то, птиц-то! и песен не переслушаешь...

И живо представилось Лютику, как этот хилый старик, подпоясанный веревкой, босой, опираясь на посох, бродит все лето по полям и лесам, по пустынным дорогам и, переходя из деревни в деревню, просит хлеба Христа ради. Совершенно новое чувство, еще ни разу не испытанное Люти-

ком, больно защемило ей сердце. Ей стало жаль старика... Первый раз в жизни она пожалела не себя, а другого, своего ближнего.

Старик, между тем, кончил свой кусок хлеба, собрал крошки, упавшие ему на колени, взял их на ладонь и высыпал в рот. Лютик еще никогда не видала, чтобы так бережно обращались с «простым, черным хлебом». Она иногда целые корки выбрасывала за окно... Впрочем, теперь она уж понимает, что бедняк должен дорожить каждой крошкой хлеба – для того, чтобы жить.

– А ты, дитяtko, не хочешь ли хлебца? – спросил старик, заметив, что девочка пристально глядит на него.

– Пожалуй, я съела бы кусочек! – сказала проголодавшаяся барышня.

– Ну, что ж! Ешь на здоровье... У меня хлеб есть! – промолвил старик, доставая из корзины соль, завернутую в тряпочку, и кусок хлеба и подавая их Лютику. – На, голубка! Поешь...

– Спасибо, дедушка! – пролепетала маленькая барышня и с великим удовольствием стала грызть своими белыми, блестящими зубами черствый ржаной хлеб.

Старик, добродушно усмехаясь, посматривал на нее.

– Как мне пить хочется! – сказала Лютик, доевши свой хлеб.

– И вода у нас есть! – утешил ее старик, вытаскивая из корзины небольшой берестовый бурак и подавая его Лютику.

Та с наслаждением припала к бураку и жадно, не отрываясь, пила из него чистую, прохладную воду, слегка припахивавшую берестой. Ни квас, ни чай, ни шоколад, ни кофе никогда не казались ей так вкусны и приятны, как эта чистая, ключевая вода. За каждый ее глоток Лютик с радостью отдала бы целую чашку чая или кофе с сахаром и со сливками...

– Ах, как хорошо!.. – вскричала она, отрываясь от бурака. – Я точно ожила... Благодарствуй, дедушка!.. Благодарствуй, голубчик!

– Не за что, дитяtko! Вода божья и все божье... – отозвался старик.

Теперь, когда Лютик закусила, напилась и успокоилась за свою участь, усталость окончательно сломила ее. Ее клонило ко сну, глаза сами слипались и голова отяжелела...

– Ты, дедушка, еще не скоро уйдешь отсюда? Ты посидишь? Я соснула бы немножко... – с трудом пробормотала она, ложась на траву.

– Пожалуй, посижу... Спи! – сказал старик. Лютик уже спала...

Когда она проснулась, солнце поднялось высоко, и зеленый лес весь сверху до низу был пронизан золотом горячих, полуденных лучей.

– Вставай, дитяtko! Мне пора идти... – сказал старик, завязывая свой кошель и собираясь в путь. – Нам нужно идти в разные стороны... Ты ступай туда (он указал рукой на дорогу). Пройдешь немного, увидишь две дороги... Одна –

прямо, это в лес, а другая – вправо... Вот по этой дорожке и ступай! Выйдешь в поле, а там близко и деревня. Из деревни кто-нибудь проводит тебя домой...

А Лютик раздумывала: чем ей отблагодарить старика. Он накормил, напоил ее, охранял ее сон, указал ей дорогу... В ее кармане ничего не было, кроме носового платка. На шее у нее был повязан голубой, шелковый шарф... Зачем старику этот шарф! Вдруг она случайно в ту минуту взглянула на золотое колечко, бывшее у нее на безымянном пальце правой руки. Это – подарок матери. Мать говорила ей, что это кольцо дорогое... Чего же лучше! Если старик проживет этим золотым кольцом месяц или два – и то ладно... Он будет вспоминать о Лютике. Девочка стала снимать кольцо и насилу стащила его с пальца.

– Вот, бабушка! Возьми... – сказала она, подавая ему кольцо.

И удивительное дело! Первый раз в жизни Лютик чувствовала желание отблагодарить человека, первый раз в жизни она дарила такую красивую, ценную вещь и не только не жалела ее, но была сердечно рада, что может подарить что-нибудь... До сего времени она, обыкновенно, принимала только подарки от других и не думала ни с кем делиться ими...

– Что ты, что ты, Христос с тобой! Нет, нет! Оставь себе... – отнекивался старик, почти с испугом поглядывая на кольцо. – Куда мне его, дитяtko! Что ты! Этакая дорогая штука...

– Да! дорогая... это правда! – говорила Лютик, стараясь сунуть ему в руку кольцо. – Тебе за это кольцо дадут много денег... тебе не придется нынче долго ходить по деревням... ты отдохнешь!.. Возьми же, дедушка! возьми, пожалуйста... сделай милость, возьми!

Старик все отнекивался. Девочка упрашивала, и как же она обрадовалась, когда ей, наконец, удалось оставить свое золотое кольцо в загорелой, морщинистой руке нищего.

– Ну, дай тебе Бог здоровья... – вздыхая и кряхтя, проговорил старик, поднимаясь с земли.

Они распрощались и расстались. Старый нищий пошел в одну сторону, барышня – в другую. Лютик еще несколько раз оглядывалась назад и видела, как бедняк брел по окраине лесной дорожки, тяжело опираясь на посох. Наконец, на одном из поворотов дороги старик скрылся за деревьями – исчез из глаз девочки, но не из ее воспоминаний. До конца жизни не забудет она того куска хлеба, которым поделился с нею нищий...

Лютик скоро вышла из лесу, миновала поле и очутилась перед деревней. Глядя на деревушку, можно было подумать, что как будто сильный вихрь разнес, разметал и наклонил как попало в разные стороны ее жалкие, серые избушки с соломенными крышами. Одна избушка сползала в овраг, другая стояла прямо на юру, третья словно в испуге отшатнулась от нее, а там далее две избы рядом близко наклонились одна к другой, как старики, мирно и дружно вместе прожившие

жизнь... Далее еще несколько избышек стояло на отлете; еще далее видны были амбарушки, запертые большими замками.

Лютик прямо подошла к крайнему жилью и остановилась перед ним в нерешимости. Это была маленькая, почерневшая от времени, покривившаяся избышка с одним крохотным оконцем; нижняя часть стекла была разбита и заткнута какой-то синей тряпицей; серая, полусгнившая соломенная крыша склонилась на один бок, как будто ежеминутно готовясь упасть и рассыпаться. Жалкая избышка!

Такие избышки Лютик еще никогда не видала вблизи, не рассматривала их так пристально, как теперь. Конечно, она нередко с матерью и с отцом проезжала по деревням, но проезжала быстро – так, что куры, рывшиеся в песке среди улицы, кричали с испугу и едва успевали летом спастись из-под ног скакавших пристяжных. Деревни мелькали перед нею, и все они казались ей похожи одна на другую, как две капли воды. Теперь первый раз в жизни она очутилась лицом к лицу перед убогой деревенской избой. Эта изба напомнила ей сказочные избышки на курьих ножках и те хижины, какие встречала она на картинах в очень живописном виде.

Лютик оглянулась: на улице никого было не видеть. Конечно, летнее, рабочее время, все ушли на поле или в луг... Лютик подошла к окошку... Ей почудилось, что в избе кто-то глухо простонал... и затем вдруг послышался жалобный, детский голос: «Ой, мама!.. Мама, не помирай!»

В этом детском крике прорывалось такое горе, такое отча-

ание, что Лютик вся вздрогнула и сердце ее замерло... Она вошла в сенцы, тихо отворила дверь и вступила в избу.

Хотя день был ясный, но в этом несчастном человеческом жилище было мрачно и темно. Лютик не могла сразу рассмотреть то место, куда она теперь попала, а когда глаза ее немножко свыклись с темнотой, увидела перед собою грязный, щелеватый пол, черную закоптелую печь, закоптелые бревенчатые стены, закоптелый потолок и потемневший образ в переднем углу... Девочка просто пришла в ужас: она еще никогда не бывала в таких домах... Люди, жившие здесь, показались ей еще более жалкими, чем эта закоптелая лачуга.

Какая-то больная женщина почти в беспомощности лежала на лавке; голова ее покоилась на груде грязного тряпья; какие-то лохмотья, вместо одеяла, покрывали ее; ее сухие, всклокоченные, светло-русые волосы густыми прядями падали на пол; смертельная бледность подернула ее лицо; потухший взгляд ее полузакрытых глаз был мутен, как будто эта женщина уже ничего не понимала и ничего не видела перед собою. Больная беспомощно металась на своем жестком ложе и с трудом поворачивала голову то в ту, то в другую сторону; дыхание со свистом вырывалось из груди; сухие, посиневшие губы шевелились, но ни одного звука не слетало с них... Лишь изредка больная протяжно, тяжело, мучительно стонала.

Тут же у ног больной сидел мальчуган лет 5–6, свесив с

лавки свои худые, голые ножонки. Его светлые, льняные волосы свешивались на лоб; лицо его было очень печально, и крупные слезы текли по щекам. Мальчик был худ и бледен. Из-за расстегнутого ворота его синей пестрядинной рубахи видна была впалая, костлявая грудь.

В изумлении исподлобья посмотрел он на барышню, как на необычайное явление, и стал тереть глаза кулаком. Лютик села с ним рядом и ласково взяла его за руку.

– Это кто? Твоя мать? – спросила его Лютик, указывая головой на больную.

– Да! – тихо, чуть слышно промолвил мальчуган, стараясь отвернуться от гостьи.

Он, очевидно, дичился, боялся ее, и девочке стоило большого труда заставить его разговориться. Из отрывочных ответов ребенка Лютик узнала, что мать его заболела уже давно, стала было поправляться, но ее послали в поле на работу и она опять свалилась... «Сегодня ей больно худо... Кабы не померла!..»

– Зачем же ей не дали поправиться и послали на работу? – вполголоса спросила Лютик.

– Надо было сено убирать, вот и погнали... – отвечал мальчуган.

– С кем же ты живешь?..

– Живу с мамкой и с тятькой... еще баушка есть!..

– А где же они теперь? – допрашивала Лютик.

– Тятька на работе, а баушка в лес ушла по грибы... – со

вздохом шептал мальчуган.

– Как же они оставили больную одну – с тобой?

– Да как... Тятке дома сидеть нельзя, работа не ждет... А баушка сердитая, все ворчит... то говорит, что мама притворяется, что ей на работу идти не охота, а то забранится, «хоть бы убиралась, говорит, поскорее, только мешаешь, руки нам связываешь»... Вот мне мамку-то и жаль... За что баушка ее так...

– Пить... пить... – чуть слышно прошептала больная.

– Пить просит... – пояснил мальчуган. – А чего ей дашь... воды нет!

– Как «нет»? Воды-то нет! – живо заговорила Лютик, поднимаясь с лавки. – Отчего же ты не принесешь?.. Вы откуда берете воду?

– Берем-то ее из колодца, да мне не начерпать... – плаксивым голосом отвечал ей мальчуган.

– Так дай ты мне что-нибудь... хоть ведро, что ли... да покажи мне, как черпать... Я сама начерпаю воды! Пойдем! – торопила его Лютик.

Никогда в жизни барышня не хлопотала так усердно о других, да к тому же еще о простой деревенской бабе...

Мальчик взял ведро, и они отправились. Колодец находился среди деревни; колодезный сруб – гнилой, облизлый, подернутый зеленью наполовину прикрывался такою же ветхой крышкой; с одной стороны колодца помещалась деревянная колода для поива скота, а с другой стороны – коря-

вая рябина раскидывала над колодцем свои жидкие ветви. Мальчуган растолковал барышне, как надо опускать бадью и как потом осторожно поднимать ее вверх, чтобы вода не расплескалась. Бадья, хотя и окованная железом, была не особенно тяжела, но для непривычных рук изнеженной девочки она, разумеется, показалась «страх какой тяжелой». Опустить бадью вниз – в зияющее отверстие колодца – было еще дело довольно легкое, зачерпнуть ею воды оказалось уже труднее, а для того, чтобы вытащить бадью с водой на поверхность земли – Лютику пришлось пустить в ход все свои силы. Опершись коленом на сруб, нагнувшись над темным отверстием колодца, она самым неумелым образом тянула бадью и по своей неловкости легко могла полететь в колодец. А тут еще мальчуган приставал к ней со своими предостережениями...

– Ты смотри, за стенку-то не задевай... а то прольешь! – рассудительно замечал он. – Ну, вот так... Тяни хорошенько... Еще! еще! Ну!.. Вот!

Лютик вся покраснелась, как маков цвет. Волосы ее растрепались. Она запыхалась и с трудом переводила дыхание... Несколько раз она уже думала, что веревка выскользнет у нее из рук и ей придется снова начинать свою тяжелую работу. Наконец, бадья-мучительница показалась на Божий свет из отверстия колодца.

Лютик докрасна натерла руки о веревку, оцарапала себе палец о бадью, все платье спереди облила водой и все-таки

достала для больной воды... Первый раз в жизни Лютик оказывала такую услугу своим ближним: до сего времени только ближние обслуживали ей...

Больная напилась, то есть сделала несколько глотков и как будто успокоилась. Мальчик опять поместился около нее. Лютик села с ним рядом и вполголоса спрашивала его об их житье-бытье, мальчик отвечал ей, как умел... Вдруг больная заметалась и застонала пуще прежнего. Мальчик опять захныкал и припал к ее ногам.

– Ой, мама!.. Ой, милая!.. Не умирай! – причитал он сквозь слезы.

Лютик чувствовала, что в то мгновение в сердце ее происходит что-то особенное, что-то совсем новое, никогда еще не испытанное ею. Ей стало так жаль этого маленького плачущего мальчика, так жаль... Ей страстно хотелось утешить его чем-нибудь, успокоить его, сказать или сделать ему что-нибудь приятное, – ну, одним словом, принести ему отраду, облегченье... В эту минуту она не могла придумать никаких особенно хороших слов и не знала, что ей делать. А между тем ей было невыносимо больно, тяжело смотреть на мальчика и слышать его рыдание, надрывающее душу...

В совершенно непонятном для нее волнении, почти как-то машинально, она наклонилась к этому крестьянскому мальчугану, одетому в грязную изорванную рубашонку, крепко обняла его за шею, как своего младшего брата, как своего самого близкого друга, и приклонила его голову к се-

бе на плечо. Она ласково гладила своею нежною ручкой его нечесанные, всклокоченные волосы, целовала его в лоб и в бледные щеки, теперь мокрые от слез, и шептала ему:

– Ну, не плачь, не плачь же! Полно... Мама твоя поправится, выздоровеет, и все будет хорошо...

Тут Лютик почувствовала, что и на ее глаза набежали слезы и теплые капли их падали ей на руку и на волосы этого крестьянского мальчика, и на его лоб, и на его полузакрытые глаза... Лютик плакала... Конечно, плакала она и прежде не раз – о пустяках, из-за разных капризов и вздоров... Но теперь первый раз в жизни заплакала она о чужом горе.

Вдруг стукнула дверь. Лютик оглянулась и увидела, что в избу вошла какая-то баба и с удивлением смотрела на нее.

– Барышня!.. Да вы как же зашли-то к нам? – спросила ее пришедшая.

Она бывала в усадьбе и видала Лютика. Барышня вкратце рассказала ей, что она гуляла и заблудилась в лесу.

– Хотите, я провожу вас домой? Мне нужно идти в вашу сторону... – сказала ей женщина.

Лютик, конечно, была очень рада ее предложению. Ей только жаль было оставить больную женщину и плачущего мальчугана, но она утешила себя тем, что непременно упрощит мамашу навестить эту несчастную больную и помочь ей... И она, действительно, упростила мать... Расставаясь с мальчиком, Лютик оставила ему свой шелковый, голубой шарф, носовой платок, даже пунцовую бархатную лен-

точку с головы. Одним словом, она отдала ему все, что можно, отдала бы и платье, если бы скромность не удерживала ее...

В усадьбе, разумеется, все были в тревоге. «Барышня пропала! Исчезла неведомо куда!..» Мать просто с ума сходила... И все, разумеется, очень обрадовались, когда Лютик жива и невредима возвратилась домой...

Напрасно Лютик в Иванову ночь запасалась каким-то цветком папоротника: разбойничий клад не достался ей. Она пришла с пустыми руками... но зато, вместо разбойничьего клада, она во время своих странствований нашла клад более ценный...

Она пошла из дому за тем, чтобы достать несметную массу денег и закупить себе на эти деньги ненужную всякую всячину. Она ушла из дому холодной себялюбивой девочкой, думавшей только о себе, скучавшей от нечего делать, а возвратилась совсем другим человеком... Теперь она любила людей, чувствовала сострадание к несчастным и искренно желала жить и трудиться для счастья ближних.

Это – самый дорогой, самый лучший клад в мире: он приносит с собой человеку высшее счастье, доступное ему в жизни – спокойствие совести и душевное довольство...